

ИСТОРИЯ

И. А. СПИВАК

ЗОРОАСТРИЙСКИЕ «СИМПАТИИ» АЛЕКСАНДРА

Вопрос о возможных симпатиях македонского царя к древнеперсидской религии поднимался, прежде всего, в связи с попыткой Александра ввести обряд проскинезы [1, с. 298-299; 2, с. 154-155; 3, с. 227-228; 4, с. 239]. Плутарх, основываясь на рассказе Харета из Митилены, сообщает: «однажды на пиру Александр, отпив вина, протянул чашу одному из друзей. Тот, приняв чашу, встал перед жертвенником и, выпив вино, сначала пал ниц, потом поцеловал Александра и вернулся на свое место» (Александр, LIV)¹. Упоминание Плутархом алтаря, а также анализ изображений на персепольских рельефах позволили указанным авторам сделать вывод, что в данном рассказе имеется в виду алтарь огня. Это, в свою очередь, приводит некоторых исследователей к далеко идущим и не подкрепленным источниками выводам. «Было бы естественно принять зороастрийские представления в Иране, а значит, и их отношение к священному огню. Горящий огонь везде сопровождал Александра – на серебряном блюде или зажженный на алтаре. После смерти Гексестиона царские огни на всех алтарях были погашены (обряд, сопровождавший смерть Великого царя или другие знаменательные события). И, возможно, Александр требовал не божеских почестей для себя, но признания иранской религии» [1, с. 299]. «Если рядом с Александром был царский огонь, сопровождавший его и в торжественных случаях ярко освещавший его лицо, то при его дворе и главной квартире должны были находиться жрецы, а следовательно, иранские верования были ему ближе, чем думали раньше» [3, с. 228].

Есть ли у нас основания считать, что зороастрийский культ огня был тем элементом древнеперсидской религии, который вызвал отклик у Александра,

¹ Здесь и далее текст Плутарха приводится в переводе М. Томашевской. См.: Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2-х т. М., 1990. Т. 2.

а, возможно и использовался македонским царем для достижения своих идеологических целей? Для ответа на этот вопрос необходимо, прежде всего, обратиться к источникам, в которых зафиксирована практика почитания огня ахеменидскими царями. Ксенофонт, описывая торжественный выезд Кира, сообщает: «За быками вели коней, предназначенных в жертву Гелиосу. За ними ехала священная колесница Зевса... за нею двигалась колесница Гелиоса... за ней третья колесница, запряженная конями, покрытыми пурпурными попонами. Позади ее шли люди, несшие на большой жаровне огонь» (Киропедия, VIII, III, 12)². Об использовании персами священного огня во время царских походов говорит Курций Руф: «У персов был древний обычай не отправляться в путь до восхода солнца. Сигнал к выступлению давали из царского шатра, когда уже совсем рассветало.... Походный строй был таков. Впереди на серебряных алтарях несли огонь, который у персов считался вечным и священным. Маги пели древние гимны» (III, 3, 9)³.

Значительный интерес представляет для нас сообщение Аппиана о жертвоприношении Митридата: «Митридат, заставив бежать или изгнав из Каппадокии все гарнизоны Мурены, принес Зевсу-Воителю по обычаю отцов жертву на высокой горе, воздвигнув на ее вершине другую вершину из дерева, еще более высокую. Первыми несут на эту вершину дрова цари; положив их, кладут на них другой круг, более короткий по окружности; на самый верх они возлагают молоко, мед, вино, масло и всякие курения, а на равнине они устраивают для присутствующих угощение, состоящее из хлеба и всяких приправ (такого рода жертвоприношения совершаются и в Пасаргадах персидскими царями), затем они зажигают дерево. Этот горящий костер, вследствие своей величины, виден плывущим издали на расстоянии тысячи стадий...» (Митридатовы войны, 66)⁴. Несмотря на то, что речь здесь идет о жертвоприношении Зевсу-Воителю, вряд ли есть основания для сомнений в том, что, во-первых, за исключением ряда деталей (приношение меда), проведенный Митридатом обряд в целом соответствует древнеперсидской ритуальной практике, во-вторых, в том, что элементы этого обряда тесно связаны с жертвоприношениями огню [5, р. 294]. О связи культа Зевса-Барадага и культа огня свидетельствует и обнаруженный в Сардах эдикт Артаксеркса II [6, с. 312]. Таким образом, священный огонь сопровождал Ахеменидов в военных походах, во время торжественных процессий, а, кроме того, по инициативе царей, огню приносились жертвы. Наконец, упоминание огня в связи со смертью Гэфестиона (Диодор, XVII, 114, 4) заставляет сделать вывод о династийном характере культа огня при Ахеменидах.

² Ксенофонт. Киропедия / Пер. с древнегреч. В.Г. Борухович, Э.Д. Фролов. М., 1976.

³ Здесь и далее: Квинт Курций Руф. История Александра Македонского / Отв. редактор А.А. Вигасин. М., 1993.

⁴ В переводе С.П. Кондратьева. См.: Аппиан. Римские войны. СПб., 1994.

Возвращаясь к Александру, следует отметить, что наши источники ничего не сообщают о жертвоприношениях огню, проведенных или санкционированных македонским царем. Ничего неизвестно нам и о том, что священные огни сопровождали Александра во время военных походов. Единственный раз, когда рядом с Александром появляются священные огни во время торжественной процессии – это его въезд в Вавилон (Курций Руф, V, 1, 19-22). Однако два обстоятельства не позволяют нам усматривать в этом эпизоде сближение Александра с элементами иранской религии. Торжественный въезд в Вавилон был подготовлен без согласования с Александром сатрапом Мазеем, для которого было естественно следовать ахеменидским образцам. После въезда в город Александр, как уже было сказано, отдав предпочтение халдейским жрецам, абсолютно проигнорировал магов с их священным огнем. Не так однозначно может быть решен вопрос об отношении македонского царя к династийной составляющей древнеперсидского культа огня. Приказ «обитателям Азии загасить так называемый священный огонь» до окончания похорон Гепестиона (Диодор, XVII, 114, 4)⁵, свидетельствует о том, что после возвращения из индийского похода культ царского огня не вызывал у Александра, по крайней мере, внутренних возражений. Учитывая сказанное, появление алтаря огня на пиру, где Александр пытался ввести в обиход обычай проскинезы, должно быть интерпретировано либо как следствие симпатий царя к некоторым элементам иранского культа огня, либо как стремление распространить на своих македонских и эллинских приближенных нормы ахеменидского дворцового этикета без оглядки на их религиозную основу.

Одно существенное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует в пользу второй из предложенных интерпретаций. Имеющиеся в нашем распоряжении источники хранят абсолютное молчание (по крайней мере, до событий в Описе) о магах, которые должны были бы находиться рядом с царем в том случае, если бы еще до возвращения из Индии Александр ввел при дворе персидский культ царского огня. Вместе с тем, в источниках упоминаются жрецы и прорицатели, сопровождавшие Александра и принадлежавшие к иным, чем маги, религиозным традициям. Плутарх сообщает о вавилонских жрецах, к которым Александр обращался в тех случаях, когда желал очиститься от скверны (Александр, LVII), о сопровождавших царя эллинских прорицателях – лакедемонянине Аристомене (Александр, L) и Аристандре из Тельмесса (Александр, II, XIV, XXV, XXXIII, L, LII). Об Аристандре, бывшем спутником царя на протяжении всей его жизни, пишут и другие авторы (Курций Руф,

⁵ Текст Диодора Сицилийского приводится в переводе М.Е. Сергиенко. См.: Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга XVII // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского / Отв. редактор А.А. Вигасин. М., 1993.

IV, 2, 14; 6, 12; 15, 27; V, 4, 2; VII, 7, 8; 22-23, 28-29; Диодор, XVII, 17, 6; Арриан, IV, 4, 3; 15, 8). Арриан, со ссылкой на Аристобула, добавляет сведения о некой сириянке, которая бывала одержима божеством, и по причине того, что предсказания, данные ею в этом состоянии, всегда сбывались: «...сириянка получила доступ к царю ночью и днем; часто стояла она около него, когда он спал» (IV, 13, 5-6)⁶. Наконец, нельзя не вспомнить индийского мудреца Калана (Арриан, VII, 3, 1-6; Диодор, XVII, 107; Плутарх, Александр, VIII, LXV, LXIX). На основании этих сообщений мы можем сделать вывод, что молчание источников о магах в свите Александра до его возвращения из индийского похода неслучайно. Таким образом, отсутствие магов при дворе македонского царя делает невероятным предположение о том, что вместе с обычаем проскинезы Александр пытался привить своим македонским и эллинским подданным элементы древнеперсидского культа огня. Косвенным подтверждением того, что в случае с введением проскинезы речь шла только о части ахеменидского дворцового этикета, без внимания к его религиозной составляющей, может служить то, что Арриан, прежде чем перейти к описанию этого эпизода, говорит: «Александр, воображая себя в глубине души сыном Аммона, а не Филиппа, потребовал, чтобы ему кланялись в землю; восхищаясь обычаями персов и мидян, он сменил одежду и переделал чин дворцового этикета» (IV, 9, 9). Как видно, в этом сообщении нет ни слова о религии персов, а симпатии Александра к персидской культуре проявляются как раз в смене одежды и дворцового этикета. Вероятно, правы те исследователи, которые считают, что в обычае проскинезы Александра привлекала, прежде всего, идея собственного возвышения над эллинами и над варварами [7, с. 67].

Вопрос о религиозных пристрастиях македонского царя в контексте проблемы «Александр – зороастризм» должен решаться, прежде всего, на основании сообщений источников, в которых зафиксирована ритуальная практика самого Александра в период его пребывания на территории Ирана. Наиболее информативными являются сочинения Арриана, в которых сообщается о 33 случаях совершения Александром обрядов жертвоприношений – от вступления македонского царя на территорию Ирана до момента его смерти. В Сузах: «Александр совершил жертвоприношение по обрядам отечественным, устроил бег с факелами и учредил празднество с гимнастическими состязаниями» (III, 16, 9). В Задракартах: «Проведя там 15 дней, принеся, как положено, жертвы богам и установив празднество с гимнастическими состязаниями, он пошел к парфиям...» (III, 25, 1). У ариаспов: «Здесь он принес жертву Аполлону...» (III, 27, 5). «Александр подошел к горе Кавказ, где основал го-

⁶ Здесь и далее текст Арриана в переводе М.Е. Сергиенко. См.: Арриан. Поход Александра. М., 1993.

род и назвал его Александрией. Принеся там жертву богам, каким у него было положено, он перевалил через гору Кавказ» (III, 28, 4). На берегах Танаиса: «Принеся, как было у него в обычае, жертву богам, он установил празднество с гимнастическими и конными состязаниями» (IV, 4, 1). Перед переправой через Танаис – неблагоприятные знамения во время жертвоприношений под руководством Аристандра (IV, 4, 3). На празднике в честь Диониса: «он призрел Диониса и принес жертву Диоскурам...» (IV, 8, 2). После убийства Клита: «Дионису жертву он принес...» (IV, 9, 5). В лагере на Оксе после внезапного появления источников масла и воды Александр: «принес все жертвы, какие были указаны прорицателями. Аристандр сказал, что масляный источник предвещает труды, но предвещает также и победу после трудов» (IV, 15, 8). Жертвоприношение Афине в Никее (IV, 22, 6). После захвата скалы, которой не смог овладеть Геракл: «совершил здесь жертвоприношение...» (IV, 30, 4). На горе Мер: «Александр тут же принес жертву Дионису и сел пировать с друзьями. Некоторые сообщают (если только можно этому верить), что многие из бывших тут с ним почтенных македонцев были охвачены Дионисом: увенчав себя, они стали взывать к нему; воспели «эвое!» и вели себя как вакханты» (V, 2, 7).

На берегу Инда: «совершил жертвоприношение богам, которым совершал обычно, и устроил у реки состязания конные и гимнастические» (V, 3, 5). «Перейдя через Инд, Александр и здесь принес положенную жертву» (V, 8, 2). «Александр опять принес в Таксилах положенные жертвы и устроил состязания, гимнастические и конные» (V, 8, 2). После победы над Пором: «принес богам положенные по случаю победы жертвы и устроил гимнастические и конные состязания на берегу Гидаспа...» (V, 20, 1). «Александр совершил жертвы перед переправой через Гифас, но жертвы оказались неблагоприятны» (V, 28, 4). В ознаменование окончания похода: «Александр, разделив войско на отряды, приказал им соорудить 12 алтарей...благодарность богам за дарованные победы...он принес на них положенные жертвы и устроил конные и гимнастические состязания» (V, 29, 1-2). Жертвоприношения на берегу Акесина (V, 29, 5). При возвращении: «Александр же принес положенную жертву богам, а также реке Гидаспу, по указаниям прорицателей. Взойдя на корабль и стоя на носу, он совершил реке возлияние из золотого фиала, взывая одновременно к Акесину, Гидаспу...и к Инду...Совершил он возлияние также Гераклу, своему родственнику, Аммону и прочим богам, которым положено у него было совершать жертвоприношения» (VI, 3, 1-2). При выходе в океан: «Он заколол здесь быков Посидону и опустил их в море; после этого жертвоприношения совершил возлияние, а золотой фиал и золотые кратеры как благодарственную жертву бросил в воду...» (VI, 19, 5).

Подражание вакхической свите Диониса (VI, 28, 1). В Кармании, по словам Аристобула: «Александр принес благодарственную жертву за победу

над индами и за спасение своего войска в земле гадрасов и учредил состязания, мусические и гимнастические» (VI, 28, 3). Свадьба в Сузах по персидскому обычаю (VII, 4, 6). Совместное с магами жертвоприношение в Описе (VII, 11, 8-9). «В Экбатанах Александр принес жертву, которую обычно приносил при обстоятельствах благоприятных, учредил состязания гимнастические и мусические» (VII, 14, 1). Гимнастические и мусические состязания после смерти Гефестиона (VII, 14, 10). В Вавилоне: «Александр принес богам положенные жертвы, молясь о счастливом ходе событий и исполнении некоторых предсказаний...» (VII, 24, 4). После начала болезни и до момента смерти Александром, по словам Арриана, были совершены пять жертвоприношений, которые в источнике либо только перечислены, либо определены как «положенные жертвоприношения» (VII, 25, 2-6). По крайней мере, одно существенное добавление к перечисленному можно сделать, исходя из текста «Индики», где рассказывается, что после возвращения Непарха: «В благодарность за спасение войска Александр принес жертвы Зевсу-спасителю, Гераклу, Аполлону-отвратителю бед, Посейдону и всем другим морским богам и устроил гимнастические и музыкальные состязания и торжественную процессию» (36, 3). И далее: «Затем войско объединилось, и Александр принес жертвы за спасение кораблей и людей и устроил состязания» (42, 8)⁷.

Таким образом, индикаторами этнической и религиозной принадлежности совершенных Александром жертвоприношений в тексте Арриана могут служить несколько указаний. Прежде всего, это имена богов, которым посвящены жертвы. На этом основании 12 из 33 жертвоприношений (два – Аполлону, одно – Диоскурам, три – Дионису, одно – Афине, одно – двенадцати олимпийским божествам, два – Гераклу, одно – Посейдону и одно – Зевсу) обращены к эллинским божествам и проведены по эллинскому обряду. Следует заметить, что уже со времени Геродота была известна практика отождествления имен греческих и иранских божеств. Геродот дважды называет верховное божество персов Зевсом (I, 89; I, 131), добавляя во втором случае солнце, луну, огонь, воду, ветры, а также Афродиту Уранию, которую персы называли Митрой (I, 131) [8, с. 506]. Подчеркнем, что речь в данном случае идет не о религиозном синкретизме, который более или менее надежно прослеживается по различным источникам позже II в. до Р. Х. [9, с. 133], а только об именных отождествлениях.

Можем ли мы предполагать, что в сообщениях Арриана о жертвоприношениях Александра под именами эллинских богов скрываются боги персов? По нашему мнению, для подобных подозрений нет оснований. Дело в том, что Арриан аккуратно отмечает все случаи, когда Александр тем или иным спосо-

⁷ Текст «Индики» Арриана приводится в переводе М.Д. Бухарина. См.: Индия и античный мир. М., 2002.

бом оказывает почтение неэллинским божествам. Так, например, говоря о Геракле Тирском, он пишет: «В Тире есть храм Геракла – древнейший, какой могут упомнить люди. Он посвящен, однако, не аргосцу Гераклу, сыну Алкмены. ...И египтяне чтут Геракла, но другого, чем тирийцы и эллины (II, 16, 1-2). В таком же ключе Арриан сообщает и об индийском Геракле. «Если все это верно, то этот Геракл должен быть другим, не фиванским: или тирийским, или египетским, или каким-то великим царем из областей, лежащих недалеко к северу от индов» (Индика, 5, 13). Современные исследования показывают, что следы пребывания Геракла и Диониса в Индии, которые обнаружил Александр и его последователи, действительно восходят к культам местных божеств, это, однако, не помешало грекам и македонянам отождествить их с эллинскими богами. [10, с.138-190]. Еще одно подобное свидетельство – указание на жертвоприношение, обращенное к Аммону (VI, 3,1-2), хотя Арриану и известно отождествление Аммона с Зевсом (III, 3, 2). Далее – уже упомянутое жертвоприношение в Вавилоне, посвященное Белу под руководством Халдеев (III, 16, 5). Наконец, описание событий в Описе, где обрядовые действия магов отмечены специально (VII, 11, 8). Сказанное позволяет заключить, что если бы Александр, совершая жертвоприношения, пожелал бы почтить какое-либо иранское божество, то этот факт был бы непременно отмечен в повествовании Арриана.

Еще один, более однозначный, чем имена богов, индикатор этнической принадлежности совершенных Александром обрядов – указание на присутствие при их совершении эллинских прорицателей. Кроме уже упомянутых (VI, 2, 1), Арриан называет два случая, где присутствие Аристандра говорит об эллинском характере жертвенных обрядов (IV, 4, 3; IV, 15, 8). Известно, что практика иероскопии в период военных действий была чрезвычайно широко распространена в эллинском мире (Геродот, IX, 61), и «при всех греческих войсках постоянно состояло по одному или по несколько гадателей» [11, с. 353]. В особую группу следует выделить жертвоприношения, относительно которых Арриан замечает, что они совершены по «отеческим обрядам», или что это «положенные» жертвы. Эта группа, в соответствии с текстом Арриана, состоит из шести жертвоприношений (III, 16, 9; 25,1; V, 20, 1; VII, 25, 3, 5, 6). Чрезвычайно интересным является указание Арриана на то, что некоторые жертвоприношения Александра сопровождались учреждением гимнастических, мусических и конных состязаний. «И агон, и симпосий были в их (греков) понимании, прежде всего, игрой, но не обычной, а священной, что можно понимать как игру в присутствии божества или даже с прямым его участием» [12, с. 212]. На основании сказанного нам представляется, что упоминание состязаний в связи с жертвенными обрядами Александра также может служить достаточно надежным критерием для определения этнической принадлежности этих обрядов. Арриан говорит о двенадцати подобных

случаях (III, 16, 9; 25, 1; V, 20, 1; V, 29, 2; IV, 4, 1; V, 3, 6; V, 8, 3; VI, 28, 3; VII, 14, 1, 10; Индика, 42, 8; 36,3), причем восемь из них не совпадают с теми, которые мы идентифицировали по другим критериям (IV, 4, 1; V, 3, 6; V, 8, 3; VI, 28, 3; VII, 14, 1, 10; Индика, 42, 8; 36,3). Среди оставшихся случаев один приходится на совместное жертвоприношение с магами в Описе (VII, 11, 8-9), а четыре не имеют ярко выраженной этнической или религиозной окраски (III, 28, 4; IV, 30, 4; V, 29, 5; VII, 25, 2). Среди этих четырех Арриан говорит относительно двух (III, 28, 4; VII, 25, 2), что это были жертвы, которые Александр принес в первом случае «богам, каким у него было положено», во втором – «по своему каждодневному обычаю». Напомним, что определение «богам, каким у него было положено» встречается в тексте Арриана еще один раз (VI, 3, 2). На основании этого указания мы можем исключить из числа этих безымянных богов Геракла и Аммона, поскольку они названы отдельно. Однако, поскольку жертвоприношение было совершено «по указанию прорицателей», у нас нет никаких оснований предполагать, что оно было посвящено, в том числе и каким-либо иранским божествам. Сообщение о жертвоприношении после захвата скалы, куда не смог взойти Геракл (IV, 30, 4), делает вероятным предположение, что жертва здесь была принесена в честь Геракла, хотя Квинт Курций Руф сообщает о сооружении здесь алтарей Минерве и Победе (VIII, 11, 24). Таким образом, из 33 упомянутых Аррианом жертвоприношений, совершенных Александром на территории Ирана и Индии, без учета пересекающихся случаев, 12 посвящены олимпийским божествам, два проведены при участии Аристандра, 6 совершены «по отеческим обрядам», 8 сопровождалась мусическими, гимнастическими и конными состязаниями, три с большой долей вероятности могут быть идентифицированы как традиционные эллинские жертвоприношения олимпийским богам, одно (V, 29, 5) является неопределенным, одно совершено совместно с магами.

Противоречат ли сообщениям Арриана данные других источников, независимо от традиции к которой они принадлежат? [13, с. 6-22; 14, с. 45-64]. Диодор Сицилийский сообщает об одиннадцати жертвоприношениях Александра на интересующей нас территории. «Александр, празднуя победу, принес роскошные жертвы богам и устроил для друзей богатое пиршество» (XVII, 72, 1). При переправе через Инд: «принес великолепные жертвы богам, он переправил войско» (XVII, 86, 3). «Царь похоронил убитых, почтил по достоинству отличившихся и принес жертву Гелиосу как пославшему победу над восточными областями» (XVII, 89, 3). Жертвы 12 олимпийским богам (XVII, 95, 1) После спасения от опасности на реке: «...он принес жертву богам за избавление от великой опасности после борьбы с рекой, подобно Ахиллу» (XVII, 97, 3). «Александр, выздоровев от ран, принес богам благодарственные жертвы и стал устраивать роскошные пиршества друзьям» (XVII, 100, 1). При выходе в океан: «...принес

там великолепные жертвы богам; совершая возлияния, бросил в море много чаш и больших золотых сосудов, поставил алтари Фетиде и Океану...» (XVII, 104, 1). Дионисийское шествие (XVII, 106, 1). Приказ о жертвоприношениях в честь Гефестиона, во время которых было забито множество разных животных (XVII, 115,12). Жертвы богам отвращающим беды (XVII, 116, 5). «Великолепные жертвы богам» после потери диадемы, по совету гадателей (XVII, 117, 1). Как видно из текста Диодора, маги ни разу не упомянуты в связи с жертвоприношениями Александра. Таким образом, нет никаких оснований для предположений об участии Александра в религиозных обрядах магов или о включении элементов этих обрядов в практику почитания богов македонским царем.

Тринадцать сообщений о жертвоприношениях в связи с Александром содержит текст Плутарха. «Увидев во сне, что Кратер болен, Александр и сам принес за него жертвы, и Кратеру велел сделать то же самое» (XLI). Два сообщения в эпизоде, связанном с убийством Клита: «...царь обратился за разъяснениями к прорицателям – Аристандру и лакедемонянину Аристомену. Они сказали, что это дурной знак, и Александр велел как можно скорее принести умиловительную жертву за Клита»; «...царь уже принес жертву Диоскурам (L). Обряд очищения у вавилонских жрецов (LVII). Сооружение алтарей греческим богам: «к которым до сих пор приходят цари пресиев, чтобы поклониться им и совершить жертвоприношения по греческому обряду» (LXII). После ранения: «Принеся жертву богам, он опять двинулся в путь...» (LXIII). Жертвы и молитва богам о том, что бы: «...ни один человек не перешел за грань, достигнутого им...» (LXVI). Дионисийское шествие по Кармании (LXVII). Жертвы Гефестиону как герою (LXXII). «Александр призвал прорицателя Пифагора. Тот не стал отпираться; тогда Александр спросил, какова же была жертва. Прорицатель ответил, что в печени у нее не было лопастей. «Увы, – воскликнул царь, – это грозное знамение» (LXXIII). Три жертвы перед смертью: две неопределенные, а относительно одной Плутарх сообщает, что это обычная жертва (LXXVI). Таким образом, применяя к сочинению Плутарха те же критерии, которые мы использовали для анализа сообщений Арриана, можно сказать, что жизнеописание Александра не содержит никаких сведений о симпатиях македонского царя к магам и их ритуалам.

Меньше всего информации о жертвоприношениях Александра можно почерпнуть из эпитафы сочинения Помпея Трога [15, с. 5-33]. Юстин передает сообщения только о двух случаях принесения жертв Александром на территории Индии: «Александр возвратился на корабли и совершил жертвенные возлияния Океану, испрашивая благополучное возвращение на родину» (XII, 10, 4)⁸; «Здесь он основал

⁸ Здесь и далее: Марк Юниан Юстин. Эпитама сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / Пер. с лат. А.А. Деконского, М.И. Рижского; под ред. М.Е. Грабарь-Пассек. СПб., 2005.

город Барку – как памятник совершенных им подвигов. Тут же он воздвиг алтари...» (XII, 10, 5). Любопытно отметить, что, не добавляя по сравнению с другими авторами фактически ничего нового к рассказам об этих двух жертвоприношениях Александра, Помпей Трог более других подчеркивает приверженность царя эллинскому религиозному мировоззрению во время индийского похода. Достигается это путем использования приема литературного параллелизма. Действительно, начало похода в Азию ознаменовалось тем, что: «Александр воспламенился необычайным пылом и воздвиг богам двенадцать алтарей как приношение перед войной... Александр закалывает жертвы, испрашивая победу в войне...» (XI, 5, 4,6). Завершается поход также сооружением алтарей (XII, 10, 5).

Значительный интерес для нашего анализа представляют сообщения Квинта Курция Руфа о десяти эпизодах, связанных с жертвоприношениями Александра в Иране и Индии. На берегах Танаиса: «...он велит Аристандру, которому он доверился, принести жертвы, чтобы узнать об исходе дел. У гадателей был обычай осматривать внутренности животных в отсутствие царя, а затем докладывать о предсказаниях» (VII, 7, 8). После убийства Клита: «...он вспомнил, что не было совершено в урочное время ежегодное жертвоприношение Отцу Либеру...» (VIII, 2, 6). По прибытии к Сисимистру: «...прибыл сам и, заколов жертвенных животных Минерве и Победе, возвратил Сисимистру его владения...» (VIII, 2, 32). Празднества в честь «Отца Либеры» на горе Мерос (VIII, 10, 13-18). После взятия скалы, которую тщетно осаждал Геркулес. «Царь, оказавшись победителем скорее над местной природой, чем над врагами, создал впечатление большой победы, устроив богатые жертвоприношения и другие религиозные церемонии. На скале были сооружены алтари Минерве и Победе (VIII, 11, 24). После победы над Пором: «...принес жертву Солнцу» (IX, 1, 1). «Приказал воздвигнуть 12 жертвенников из обтесанного камня как памятник своего похода...» (IX, 3, 19). После спасения во время речного путешествия: «...царь воздвиг алтари по числу рек и, принеся жертву, продвинулся дальше...» (IX, 4, 14). По достижении Океана: «...принеся жертвы богам – покровителям моря и этих мест, он вернулся к своему флоту» (IX, 9, 26). Триумфальное шествие, «или некое подобие вакханалии» (IX, 10, 24-30). Как видим, свидетельства Курция Руфа, подобно свидетельствам остальных авторов, не дают повода говорить о привлечении царем магов для совершения каких-либо ритуальных действий.

Таким образом, сообщения различных авторов о жертвоприношениях Александра, по крайней мере, в том, что касается его возможных симпатий к зороастризму, не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Завершая тему о «симпатиях» Александра к зороастрийскому культу огня, следует отметить, что обряды, совершаемые в процессе древнегреческого жертвоприношения, с точки зрения магов, выглядели как святотатство. Действительно,

согласно Страбону: «Жертвоприношение огню совершают так: прибавляют сухие, очищенные от коры поленья дров и сверху кладут жир; затем поливают оливковым маслом и поджигают снизу, причем не дуют на огонь, но раздувают опахалом. Тех, кто подует на огонь, положит на него мертвое тело или запятнает грязью, предадут смерти» (XV, 3, 14)⁹. Подобное отношение к огню зороастрийцы сохраняли на протяжении всей своей истории [16, с. 281-286] (Видевдат, 8, 73-96) [17]. Единственное, что допускалось возлагать на огонь от жертвы, так это небольшой кусок жира [18, р. 11]. С другой стороны, крупнейший знаток древнегреческой религии Вальтер Буркерт писал, что именно сожжение частей жертвенного животного – отличительная особенность древнегреческого обряда жертвоприношения. «Для современного историка представляет загадку одна особенность греческого ритуала жертвоприношения. Соединение в нем огненного алтаря и кровавого обряда... это заметно отличается от египетских и месопотамских, равно как и от минойско-микенских обрядов, в которых нигде нет алтарей для сожжения целых животных или их костей» [19, с. 409-410]. Считалось, что чем выше при сожжении жертвы поднималось пламя, тем более благоприятными были полученные жертвователем предзнаменования [20, с. 258]. Действительно, кроме гомеровских образцов (Илиада, I, 410-430), до нас дошли и более поздние сведения о древнегреческом обряде жертвоприношения. «Жертвы бессмертным богам приноси, сообразно достатку, / свято и чисто, сжигай перед ними блестящие бедра. / Кроме того, возлиянья богам совершай и куренья, / Спать ли идешь, появленье ль священного света встречаешь...» (Гесиод, Труды и дни, 336-341)¹⁰. Разделение жертвы между людьми и богами совершалось согласно следующему принципу: «мясная пища (основное жертвенное животное – тягловый бык) сопровождается возлиянием вина и символическим уничтожением зерна. Богам предназначается дым от сжигаемых жира и костей – боги вкушают ароматы, люди же делят между собой оставшуюся львиную долю мяса» [21, с. 32]. Описание такого жертвоприношения, с включением в него гаданий по внутренностям жертвы, можно обнаружить у Еврипида (Электра, 790-830)¹¹.

Известные нам по античным источникам жертвоприношения Александра, кроме ритуальных правил обращения с огнем, противоречили, по крайней мере, еще одной важной зороастрийской догме. Уже в текстах Гат предаются «проклятию правители и жрецы, уничтожающие скот при оргиальных кровавых жертвоприношениях» [22, с. 53]. Так, например, Заратуштра

⁹ Страбон. География / Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского; под общей редакцией С.Л. Утченко. М., 1994.

¹⁰ Здесь и далее: Вересаев В.В. ПСС. М., 1929. Т. X.

¹¹ Еврипид. Трагедии. В 2-х т. / Пер. с древнегреч. И. Анненского и С. Шервинского. М., 1980. Т. 2.

воскликает: «Видел ли кто-либо справедливое царствование дэвов? / Но об этом спрошу я приверженцев / лживых карапанов и кавиев, изводящих скот» (Ясна, 44, 20) [23]. Напомним, что согласно рассказу Диодора, получив разрешение от Аммона почтить Гефестиона жертвами: «Александр чрезвычайно обрадовался, что бог утвердил его мысль; он первый принес жертву и роскошно угостил народ, так как в жертву принесено было 10 тысяч разных животных. Конечно, данный аргумент может быть принят в расчет только вместе с уже приведенными свидетельствами источников, так как ритуальная практика Ахеменидов также знала массовые принесения животных в жертву. Однако отметим, что Геродот, например, рассказывая о принесении Ксерксом в жертву Афине Илионской 1000 быков, говорит: «маги же совершили местным героям жертвенное возлияние» (Геродот, VII, 43)¹². Таким образом, можно предполагать, что маги в силу особенностей своего вероучения не участвовали в массовом забое животных. Следовательно, такие мероприятия Александра, как принесение в жертву 10 тысяч животных, должны были воздвигать дополнительный барьер между ним и магами.

Анализируя сообщения античных авторов о жертвоприношениях Александра в контексте проблемы «Александр – зороастризм», нельзя не обратить внимания на известия о принесении македонским царем жертв рекам и Океану (Арриан, VI, 3, 1-2; VI, 19, 5; Диодор, XVII, 104, 1; Юстин, XII, 10, 4; Курций Руф, IX, 4, 14; IX, 9, 26). В нашем распоряжении имеется достаточно много свидетельств древних авторов о почитании персами воды [6, с.323-324]. Наиболее важными из них являются сочинения Геродота и Страбона. Так, например, жертвоприношение Александра Океану, описанное у Арриана (XVII, 104, 1), поразительным образом напоминает жертвенное возлияние Ксеркса: «После восхода солнца Ксеркс совершил возлияние в море из золотой чаши, вознося молитвы солнцу, дабы не случилось несчастье, которое помешает ему покорить Европу, пока не достигнет ее пределов. После молитвы царь бросил чашу в Геллеспонт, а также золотой кубок и персидский меч, называемый «акинака». Я не могу точно сказать, погрузил ли Ксеркс эти вещи в море как жертву солнцу или же, раскаявшись, что приказал бичевать Геллеспонт, принес за это искупительные дары морю» (Геродот, VII, 54). О почитании персами рек Геродот сообщает: «В реку персы не мочатся и не плюют; рук они и сами не моют в реке и никому другому не позволяют этого делать. К рекам вообще персы относятся с глубоким благоговением» (I, 138). «Затем Ксеркс двинулся на Запад...пока не достиг реки Стримона.... Этой реке маги принесли жертву закланием белых коней. Совершив эти и еще много

¹² Текст Геродота приводится в переводе Г.А. Стратановского. См.: Геродот. История. М., 1993.

других магических обрядов в честь этой реки, персы переправились по мостам через реку...» (VII, 113-114). Не менее важным является свидетельство Страбона: «Воде приносят жертвы так: придя к озеру, реке или источнику, вырывают яму и закалывают жертвенное животное так, чтобы кровь стекала в эту яму; при этом остерегаются как-нибудь обогреть кровью находящуюся поблизости воду, полагая, что это осквернит воду. Затем маги кладут куски мяса на миртовую или лавровую ветвь и, прикасаясь к мясу тонкими палочками, произносят заклинания, совершая при этом возлияния оливковым маслом, смешанным с молоком и медом, но не в огонь или воду, а на землю. Заклинания они произносят долго, держа в руках связку тонких тамарисковых палочек» (XV, 3, 14). Следует учитывать, что, несмотря на указание Страбона, зороастрийская ритуальная практика допускает совершение возлияний в воду [24, р. 49]. Принимая во внимания эти свидетельства, трудно не согласиться с широко распространенным мнением, что «зороастрийцев можно с уверенностью назвать как почитателями воды, так и почитателями огня» [25, р. 155].

Учитывая сказанное, а также то, что Александр приносил жертвы рекам и Океану, можем ли мы предполагать наличие в этих обрядовых действиях македонского царя некоторой зороастрийской составляющей? По нашему мнению, целый ряд обстоятельств препятствует подобному допущению. Прежде всего, необходимо учесть характер зороастрийского обряда почитания воды. Так называемый *āb-zohr* «лития воде» совершается с целью ее ритуального очищения [24, р. 49]. В соответствии с зороастрийской мифологией, основным результатом нападения Анхра-Манью на материальный мир стало загрязнение чистых стихий. В этой связи о воде в Бундахишне сказано: «И таким образом десять дней и ночей Тиштар проливал дождь, и те отравы и яды вредных тварей, что были в земле, все смешались с водой, и вода стала соленой, потому что в земле осталось некоторое количество семени тех вредных тварей, что они всегда накапливают» (Бундахишн, 36) [26]. Проведение обряда очищения воды, в том числе и от загрязнения, причиненного в результате человеческой деятельности, зафиксировано уже в текстах Ясны (68, 1) [27], где вода названа дочерью Ахуры. О том, что этот обряд практиковал Заратуштра, говорят несколько зороастрийских текстов (Дадестан-и меног-и храд, 64; Визидагеха-и Задспрам, 21, Бундахишн, 14) [26; 28].

Загрязнение воды считается одним из самых тяжких грехов в зороастризме. Так, например, в Арта Вираз намак трижды говорится о мучениях в аду душ тех, кто во время земной жизни загрязнял воду: «экскрементами и падалью, своим телом, а также телами других людей» (30); «часто ходили в баню и бросали экскременты и падаль в воду» (31); «не остерегались во время месячных, причиняя страдания воде, огню, земле» (44) [29]. Текст Шайастна-шайаст содержит следующее утверждение: «А если он согрешит против

воды, даже если он сделал это против одной капли, и не искупил эту вину, даже эта капля поднимется так высоко, как поднялись растения, и не позволит ему войти в рай» (87) [29]. Для приготовления обрядового возлияния используют несколько ингредиентов: молоко, ветви хаомы, гранатовые листья, что символизируют царства животных и растений [24, р. 49; 30, с. 73; 31, с. 69]. Современный обряд у парсов проводится следующим образом. После приготовления возлияния в серебряном или медном сосуде жрец отправляется на берег какого-либо водного потока и садится у воды. Выливая при помощи ложки содержимое сосуда в поток, он произносит соответствующие авестийские формулы. Продолжительность церемонии – около получаса. Иногда церемонию совершают сами жители деревни [6, с. 324]. В какой степени поведение Александра и его жертвоприношения рекам и океану соответствуют этим обрядовым нормам? Как можно заключить из сообщений источников, обрядовая практика македонского царя в корне противоречила духу и букве ритуальных установлений зороастрийского культа воды.

Прежде всего, обращает на себя внимание нарушение запрета о загрязнении вод. По сообщению Курция Руфа, Александр следующим образом поступил с рекой Зиобет: «Александр приказывает бросить двух волов в реку там, где она уходит под землю, и люди, посланные выловить их, видели туши волов, выброшенные рекой, где она вновь выходит из-под земли» (VI, 4, 7). Арриан, рассказывая о жертвоприношении Посейдону, пишет, что туши принесенных в жертву быков Александр опустил в море (VI, 19, 5). Наконец, Курций Руф, рассказывая о гневе Александра, сообщает: «Итак, он снова велел несколько поколебавшимся исполнителям казни топить в реке связанных» (X, 4, 2). Трудно себе представить, чтобы Арриан, тщательно передававший подробности религиозной практики Александра, и все остальные авторы обошли молчанием детали зороастрийского обряда, например, приготовление из разных ингредиентов жертвенного возлияния или произнесение соответствующих молитвенных формул на варварском языке. Не находят параллелей в зороастризме и мотивы, по которым Александр совершал жертвоприношения в честь божеств водной стихии. По достижении океана было совершено жертвоприношение Посейдону: «...молясь о том, чтобы бог в целости провел его флот...» (Арриан, VI, 19, 5). Фетиде и Океану: в ознаменование завершения похода (Диодор, XVII, 104, 1); «...испрашивая благополучного возвращения на родину» (Юстин, XII, 10, 4). «Затем он помолился богам, прося, чтобы ни один человек не перешел за грань достигнутого им...» (Плутарх, Александр, LXVI). Во время плавания: «...он принес жертву богам за избавление от великой опасности после борьбы с рекой, подобно Ахиллу» (Диодор, XVII, 97, 3). Таким образом, сохранившиеся источники ничего не сообщают о стремлении Александра совершить очистительный обряд, посвященный воде. С дру-

гой стороны, как сообщает Геродот (I, 138), персы приносили в жертву рекам коней. Сообщение Геродота подтверждает Корнелий Тацит, рассказывая о жертвоприношении Тиридата: «Когда они совершали жертвоприношение, причем один по римскому обычаю предал закланию свинью, овцу и быка, а другой, чтобы умиловить реку, обрядил ей в жертву коня...» (Анналы, VI, 37)¹³.

Существование мифологических связей между иранским культом воды и культом коня прослеживается и на примере авестийских текстов (Яшт, 8) [32], и по более поздним источникам (Хордадбех, 80) [33, 6, с. 314-317]. Единственные жертвы Александра водным божествам (кроме возлияний), известные нам по источникам, – это быки, принесенные Посейдону (Арриан, VI, 19, 5). Несмотря на то, что Посейдон как древний супруг Земли воплощал в себе образы и коня, и быка [34, с. 343-344; 35, с. 323-324; 36, с. 423], принесение ему в жертву именно быка имеет надежные прототипы в древнегреческой мифологии (Аполлдор, мифологическая библиотека, II, V, 7). Действительно: «Посейдону жертвовали преимущественно быков, Афине – коров, Артемиде – овец» [11, с. 331]. Учитывая сказанное, мы должны признать, что у нас нет никаких оснований предполагать существование какой-либо связи между зороастрийским культом воды и жертвоприношениями Александра. Возвращаясь к вопросу о схожести жертвоприношений Ксеркса (Геродот, VII, 54) и Александра (Арриан XVII, 104, 1), следует отметить, что вопрос Геродота относительно того какому боже-ству посвятил Ксеркс свои жертвоприношения, на наш взгляд, следует решать в пользу Солнца – Митры [8, с.534]. Материалы X яшта Авесты свидетельствуют о том, что жертвы Митре совершались путем возлияний: «Молюсь я Митре мощному, / Сильнейшему в творениях, / Свершая возлияния, почту его хвалю... / И хаомой молочной, / И прутьями барсмана, / И языка искусством, / Священным изречением... (Яшт, X, 6) [37]. О возлияниях, как главном виде жертвоприношений Митре говорится в нескольких отрывках «Михр-яшта» (Яшт, X, 6, 30, 31, 32, 56, 57, 88, 91, 121, 145). Особенно следует отметить, что жертвоприношения Митре совершают перед битвами, прося у него победу: «Владыки стран взывают / К нему, идя на битву, / Против рядов сомкнутых / Войск вражьих кровожадных... (Яшт, X, 8). Последний отрывок, как видно, является точным описанием той ситуации, в которой Ксеркс совершал возлияния. Более того, рассказ Геродота о бичевании Геллеспонта (VII, 35), оправданный с религиозной точки зрения тем, что морская вода является сакрально нечистой [24, р. 429] и подтверждаемый восклицанием персов: «О ты, горькая влага Геллеспонта!», делает маловероятным предположение о принесении Ксерксом жертв морю. С другой стороны, связь образа Митры с мировыми водами и отождествление его с Апам-Напатом [38, с. 156], объясняет, почему возлияние этому

¹³ В переводе А.С. Бобовича. См.: Корнелий Тацит. Сочинения в 2-х т. М., 1993. Т. 1.

божеству Ксеркс совершает в море. Учитывая сказанное, следует признать, что жертвоприношения Александра и Ксеркса посвящены разным богествам и совершены с разными целями, следовательно, схожие элементы этих обрядов, скорее всего, являются совпадением. Следует помнить, что культовая практика почитания рек была широко распространена не только у персов, но и у эллинов. Свидетельство об этом сохранилось у Гесиода: «Прежде, чем в воду струистую рек непрерывно текущих / Ступишь ногой, помолись, поглядев на прекрасные струи, / И многомилую, светлой водою умой себе руки. / Рук не умывши, души не очистив, пойдешь через реку, – / Боги тебя покарают, несчастье пославши вдогонку» (Труды и дни, 740).

Подведем итоги. Отсутствие упоминаний о магах рядом с македонским царем во время индийского и среднеазиатского походов позволяет считать, что попытка ввести обычай проскинезы среди македонян и эллинов была заимствованием элемента придворного ахеменидского церемониала без учета его религиозной составляющей. Анализ жертвоприношений, совершенных Александром на территории Ирана и Индии, приводит к выводу о греческом характере этих обрядов. Более того, сопоставление, с одной стороны, обязательных для зороастрийцев и практиковавшихся магами норм обращения с огнем и водой, и, с другой стороны, данных источников о поведении Александра полностью опровергает предположение о возможных симпатиях македонского царя к зороастризму, по крайней мере, до завершения индийского похода. Сообщения Арриана о совместном с магами жертвоприношении в Описе (VII, 11, 8-9), рассказ Диодора о приказе жителям Азии погасить священные огни (XVII, 114, 4), указание о свадьбах в Сузах, проведенных по персидским обычаям (Арриан, VII, 4, 6) – все это свидетельствует в пользу того, что древнеперсидская религия как средство укрепления власти заинтересовала Александра только после его возвращения из Индии. Очевидно, что причинами, вызвавшими этот интерес стали, во-первых, отказ греко-македонских войск следовать за царем далее на Восток (Диодор, XVII, 94, 1-5; Арриан, V, 25-29; Курций Руф, IX, 2-3; Плутарх, Александр, LXII; Юстин, XII, 8, 10-16), во-вторых, мятеж в Описе (Арриан, VII, 8-11; Плутарх, Александр, LXXI; Курций Руф, X, 2-3; Диодор, XVII, 109; Юстин, XII, 11-12), после которого Александр, завершая реорганизацию войска, объявил, что: «начальство над воинами вручается персам...; будет персидская агема; будут персы «пешие друзья»; отряд «серебряных щитов» будет персидским, так же, как конница «друзей» и царская агема...» (Арриан, VII, 11, 2-3). Таким образом, интерес к древнеперсидской религии у Александра был прямым следствием его попытки расширить опору своей власти за счет выдвижения на первые места в армии мидян и персов. Очевидно, основные причины столь длительной пассивности македонского царя по отношению к зороастризму следует искать, во-первых, в той сложной ре-

лигиозной обстановке, с которой греки и македоняне столкнулись в Персии [39, с. 114-121], во-вторых, в том, что эволюция религиозной политики Александра, завершившаяся требованием признать за ним божественный статус, осуществлялась на принципиально иной, чем зороастризм, основе [7, с. 74-75].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Великий в легендах и исследованиях Востока и Запада / Сост. Е.В. Косолобова. М., 2000.
2. Шифман И.Ш. Александр Македонский. Л., 1988.
3. Шахермайр Ф. Александр Македонский / Пер. с нем. М.Н. Ботвинника, Б. Функа. М., 1986.
4. Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.
5. *Boyse M., Grenet F. History of Zoroastrianism. Leiden; New York; Köln, 1991. Vol. 3.*
6. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии. М., 2000. Т. 1.
7. Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л., 1950.
8. Стратановский А.Г. Примечания // Геродот. История. М., 1993.
9. Пичикян И.Р. Культура Бактрии в Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.
10. Бухарин М.Д. Индийские походы Диониса и Геракла в античной литературной традиции // Индия и античный мир. М., 2002.
11. Античная мифология: энциклопедия. М.; СПб., 2005.
12. Андреев Ю.В. Цена Свободы и гармонии. СПб., 1998.
13. Вигасин А.А. Предисловие // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1993.
14. Маринович Л.П. Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982.
15. Зельин К.К. Помпей Трог и его произведение «*Historiae Philippicae*» // Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «*Historiae Philippicae*». СПб., 2005.
16. Мейтарчиян М.Б. Огонь в зороастризме по «Персидским Риваятам» // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Б.А. Литвинского. М., 2001.
17. Видевдат. Фрагард Восьмой: Похоронный обряд и ритуальное очищение от «трупной скверны» / Пер. с авест., В. Ю. Крюковой // Авеста в русских переводах (1861-1996). СПб., 1998.
18. *Boyse M. Āb-zohr // Encyclopedia Iranica. London-New York, 1989. Vol. III.*
19. Буркет В. Жертвоприношение в древнегреческом ритуале и мифе / Пер. с нем. и англ. В.И. Акимовой // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М., 2000.
20. Гиро П. Быт и нравы древних греков. Смоленск, 2002.
21. Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / Пер. с фр.; под редакцией С. Карпюка. М., 2001.
22. Брагинский И.С. Авеста // Авеста в русских переводах (1861-1996). СПб., 1998.
23. Ясна 44 / Пер. с авест. И.С. Брагинского // Авеста в русских переводах (1861-1996). СПб., 1998.
24. *Boyse M. Āb-zohr // Encyclopedia Iranica. London-Boston-Henley, 1982. Vol. I.*
25. *Boyse M. History of Zoroastrianism. Leiden; Köln, 1975. Vol. I.*
26. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М. Чунаковой. М., 1997.
27. The Zend-Avesta. Pt. III: The Yasna, Visparad, Afrinagan, Gahs, Miscellaneous fragments / Translat. by L.H. Mills // Sacred books of the East: In 50 vol. / Translat. by various oriental scholars and ed. by F. Max Muller. Oxford, 1887. Vol. XXXI

28. Selections of Zadspram / Translat. by E.W. West // Sacred books of the East: In 50 vol. / Translat. by various oriental scholars and ed. by F. Max Muller. Oxford, 1880. Vol. 5.
29. Пехлевийская Божественная комедия: Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и др. тексты / Введ., транслитер. пехлевийск. текстов, пер., комм. О.М. Чунаковой. М., 2001.
30. Мейтарчиян М.Б. Почитание воды в зороастризме // Культурное наследие Ирана на пороге XXI века. Материалы Международной конференции по фундаментальным проблемам иранистики. М, 2001.
31. Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004.
32. Яшт 8. «Тиштр-яшт» / Пер. с авест. И.М. Стеблин-Каменского // Авеста в русских переводах (1861-1996). СПб., 1998.
33. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
34. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. М., 2002. Т. 1.
35. Лосев А.Ф. Посейдон // Мифы народов мира: энциклопедия в 2-х т. М., 1998. Т. 2.
36. Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святые места. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005.
37. Яшт 10. «Михр-яшт» / Пер. с авест. И.М. Стеблин-Каменского // Авеста в русских переводах (1861-1996). СПб., 1998.
38. Топоров В.Н. Агам Напат // Мифы народов мира: энциклопедия в 2-х т. М., 1998. Т. 1.
39. Спивак І.О. Ахеменідська проблема в історії зороастризму // Востокословний збірник. Символізм, 2002. Вип. 5.

Spivak I. A.

Zoroastrian «Sympathies» of Alexander the Great

Summary

The question of the sympathies the Macedonian king was thought to have with the ancient Persian religion mainly bases on Alexander's attempt to introduce the court ceremonial involving proskynesis. Could the Zoroastrian fire worship be that very element of ancient Persian religion that Alexander took in and even used to pursue his own ideological goals? The sources contain no information regarding any offerings to fire either performed or initiated by Alexander. Neither do we know about any sacred fires to accompany him during his military campaigns. Only after his return from India, according to Diodorus of Sicily and Arrian, did Alexander use Persian religious customs.

No reference of the magi next to the Macedonian king during his Indian and Central Asian campaigns suggests that the attempt to introduce proskynesis among the Macedonians and the Greeks was a borrowing of an Achaemenian court ceremonial without taking into account its religious component. The analysis of sacrifices performed by Alexander in Iran and India testifies to the Greek manner they were performed in. Moreover, the comparison of the obligatory Zoroastrian practices normally involving fire and water and performed by the magi with what the sources say about Alexander's conduct, completely denies the idea of the sympathies the Macedonian king might have had with Zoroastrianism, at least not until the end of his Indian campaign.